

Управляющий «Лувандэ» Чэнь Чжиу, завидев Цзянь Хуая еще издали, поспешно спустился по ступеням и замер у входа в почтительном ожидании.

Низкорослый и тучный, Чэнь Чжиу так и перекатывался с ноги на ногу, трясясь всем своим рыхлым телом, но в движениях его сквозила удивительная ловкость. Расплывшись в широкой улыбке, он сложил руки перед собой и отвесил глубокий поклон:

— Молодой господин Хуай, вы пожаловали!

Цзянь Хуай ответил коротким кивком. Повернувшись к Цзяи, он пояснил:

— Это «Лувандэ» — дело, налаженное моим отцом здесь, в Восточных Землях. Они торгуют табаком со всего материка. Это — наше представительство в пограничном городе.

Он повел Цзяи внутрь.

— Едва прибыв в Восточные Земли, я первым делом встретился с господином Чэнь Чжиу. По правде говоря, в коммерции я не силен, так что отныне делами будешь заправлять ты.

Они прошли вглубь лавки, в закрытый для посторонних кабинет. Чэнь Чжиу по знаку Цзянь Хуая тут же выложил на стол документы и отчеты «Лувандэ».

— Настолько мне доверяешь? — Цзяи едва заметно усмехнулся и понизил голос, шепнув это на самое ухо юноше.

— Раз я сказал — доверяю, значит, не стоит гадать и сомневаться. К тому же мне это попросту неинтересно, лень возиться с управлением, — Цзянь Хуай опустился в мягкое плетеное кресло и подпер щеку рукой.

Прищурившись, он лениво наблюдал за подвешенной в углу клеткой. Сидевший в ней красноклювый зеленый попугай то вис вниз головой, то хлопал крыльями, издавая редкие резкие вскрики.

— Или ты считаешь себя недостойным доверия и не сможешь управиться с домом? — безучастно спросил Цзянь Хуай.

— С домом? — Цзяи негромко повторил это слово, заставив Цзянь Хуая поднять на него взгляд.
— Я рад, что ты выбрал именно это слово.

Он наклонился ближе, глядя на него с нежностью и ликованием.

— Я тебя не подведу. Мы с тобой — самые близкие люди, мы — одно целое.

— Будет тебе, — Цзянь Хуай легким жестом отодвинул Цзяи. — Раз так, иди и занимайся делом, нечего нашептывать мне всякие глупости.

Чэнь Чжиу стоял в стороне, обратившись в бесплотную тень — он старательно делал вид, будто ничего не слышит. Лишь когда Цзяи с бесстрастным лицом подошел к нему, управляющий положил бумаги на стол и принялся вкрадчиво объяснять положение дел:

— В Восточных Землях нет никого, кто бы не знал «Лувандэ». Наши лавки есть в каждом городе, всего сорок пять заведений...

Цзяи листал гроссбухи под несмолкаемое бормотание управляющего. Но стоило Цзянь Хуаю подняться с кресла, как Цзяи тут же оборвал Чэнь Чжиу на полуслове:

— Что случилось?

Он мгновенно оказался рядом и бережно поправил Цзянь Хуаю воротник, который тот небрежно распахнул.

— Мне невыносимо скучно слушать всю эту нудятину. Пойду отдохну немного в комнате, — отозвался Цзянь Хуай. — А ты поработай на меня.

Он ладонью коснулся груди Цзяи и слегка оттолкнул его. Сняв с крючка клетку с птицей, Цзянь Хуай вышел из кабинета. Двое подручных Цзяи безмолвными тенями последовали за ним, но он даже не обернулся.

Юноша уверенно шел мимо комнат для гостей, пока не остановился у нужной двери. Там, опустившись на колени, его уже поджидал слуга. Увидев Цзянь Хуая, тот сложил ладони вместе и коснулся лбом тыльной стороны рук в глубоком поклоне:

— Господин Хуай, табак Юньси готов.

— Вставай. Я хочу побыть один.

Слуга поднялся и распахнул перед ним тяжелую деревянную дверь. Стражники привычно обвели комнату взглядом: внутри стояла кушетка с резными спинками, застланная золотистым покрывалом, рядом — низкий столик с белыми чарками и круглые табуреты. Ни души. Лишь в углу, у изголовья кушетки, застыл в кадке высокий фикус.

— Можете подождать в комнате напротив, чтобы не мешать прохожим, — бросил им Цзянь Хуай. — Впрочем, если вам так хочется стоять здесь — воля ваша.

С этими словами он вошел внутрь.

— Господа, прошу за мной, — вкрадчиво предложил слуга. — Я приготовлю для вас лучший табак и вино.

Стражники переглянулись, и один из них сухо ответил:

— Излишне. Мы останемся здесь.

Слуга, поклонившись, удалился.

— Вижу, твой паренек за тебя не на шутку переживает?

Алекс возлежал на кушетке, подперев голову рукой. Его черные пряди водопадом ниспадали на край ложа. Он насмешливо ухмыльнулся; его лицо было точь-в-точь как у Кеннета.

— Чего же он жаждет больше: тебя самого или тех богатств, что Кеннет припас для тебя?

Он переменял позу, лениво разглядывая потолок:

— Насколько мне известно, Кеннет вложил немало сил в его воспитание. Как торговец Сидэ, я знаю: помимо тех крох, что он передал мне открыто, есть немало тайных активов, которые этот юнец давно прибрал к рукам.

Он с издевкой посмотрел на Цзянь Хуая, заложив руки за голову.

— Люди, знаешь ли, существа ненасытные.

Цзянь Хуай слушал его с полным безразличием.

— Раз отец решил отдать это ему — значит, так тому и быть, — он зажал тонкими пальцами длинную сигарету с табаком Юньси; янтарное кольцо ярко блеснуло на бледной коже. — И не утруждай себя попытками нас рассорить, мне это неинтересно. Где сейчас мои отец и мать?

— Кеннета и впрямь спасли люди Цзяи. Мои дозоры оказались лишними — от них не было никакого проку. Твоя мать, Лилиан, уже встретила с ним. А старик Эванс во всеуслышание объявил, что его дочь скончалась от тяжелой болезни, и более он в ваши дела не вмешивается.

Алекс сделал паузу, а затем продолжил:

— Сейчас они, должно быть, уже пересекли границу Западных Земель и спешат в Восточные. Но Цзяи — парень скрытный. Доберется ли Кеннет до места в целости и сохранности — еще вопрос.

Он сел, потянулся к чарке с вином и осушил её. Алые губы, влажные от напитка, казались вызывающе яркими, точно кровь.

— Перед тобой он строит из себя паиньку, но на деле он совсем другой. Его жестокости ты еще не видывал.

— Отец благодетельствовал его, — возразил Цзянь Хуай. — С чего бы ему желать отцу зла?

Он стоял у клетки, затягиваясь дымом и наблюдая, как птица бьется внутри. Одно крыло застряло между прутьями, и попугай жалобно заверещал. Цзянь Хуай вынул сигарету изо рта, зажал её между пальцами и, придерживая клетку левой рукой, правой осторожно полез внутрь, чтобы освободить крыло. Видимо, он задел рану, потому что, едва оказавшись на воле, птица резко обернулась и пребольно клюнула своего спасителя.

Цзянь Хуай почувствовал укол боли, и на пальце выступила крупная капля крови.

Алекс цокнул языком, не скрывая насмешки над его наивностью:

— Из жадности, мой дорогой племянник.

— Предательство — вещь в этом мире обыденная, — Алекс поднялся с кушетки. Он был бос, и его шаги по полу были совершенно беззвучны.

Он перехватил руку Цзянь Хуая, небрежно стер кровь с его пальца, а затем коснулся лица юноши, оставив на ледяной, точно мрамор, коже алый след. Подняв его за подбородок, Алекс заглянул племяннику в глаза:

— Быть может, он не хочет делиться накопленным добром с Кеннетом. А может, хочет безраздельно владеть его драгоценным сыном.

В иссиня-черных глазах Алекса отразилось лицо Цзянь Хуая. Голос его звучал ласково, но взгляд оставался мертвенно-холодным:

— Он мечтает растерзать тебя — прекрасного и бессердечного, — сожрать целиком и спрятать от всего мира. Но не может. Ему все еще нужна твоя любовь.

— Он не желает делить твою любовь ни с кем. Даже с твоими отцом и матерью. Понимаешь теперь, племянничек?

Цзянь Хуай, вынужденный задрать голову, замер в этой позе — его тонкая шея изогнулась, являя взору хрупкую и горделивую линию, точно у раненого лебедя. Он выпустил струю дыма прямо в лицо Алексу.

Цзянь Хуаю не нравилось, когда им помыкают. Он силой разжал пальцы Алекса, удерживавшие его подбородок, и оттолкнул его руку.

— Прости, не понимаю. Вы все слишком сложные, а мне лень копаться в ваших причудах.

— Алекс, раз уж ты подозреваешь, что Цзяи может покуситься на жизнь моих родителей... — спокойно проговорил Цзянь Хуай. — То ты наверняка приставил к ним свою охрану, верно? Ты ведь сам говорил: Кеннет — твой близнец, твоё отражение.

Голос юноши был ровным, в нем не слышалось ни тени тревоги за судьбу отца.

— А ты сообразителен. Умеешь извлечь выгоду, — Алекс негромко хлопнул в ладоши, будто поощряя его. — Хоть ты и кажешься беспомощным, но чутье у тебя отменное. Мои люди и впрямь не спускают глаз с Кеннета.

Цзянь Хуай пропустил издевку мимо ушей. Он бесстрастно погасил сигарету. Тревога, на миг шевельнувшаяся в душе, угасла.

Внутри снова воцарился штиль.

Покончив с делами, Цзяи в сопровождении слуги прошел по длинному коридору. Двое стражников все так же несли караул у дверей.

Он тихо вошел в комнату. Цзянь Хуай спал, полулежа на кушетке. Бесшумно прикрыв дверь, Цзяи подошел ближе.

Он сел на пол прямо у изножья, не сводя глаз со спящего. Тот дышал мерно и тихо; в легком дыхании угадывался едва уловимый аромат табака. Несколько прядей волос в беспорядке рассыпались по подушке, касаясь щек и шеи. На фоне черных волос его кожа казалась фарфорово-белой, почти прозрачной.

Во сне Цзянь Хуай утратил свою привычную холодность; черты его лица смягчились, и в этой безупречной красоте проступило нечто детское, беззащитное.

Суровый вид Цзяи смягчился, и он посмотрел на него с бездонной нежностью. Он протянул руку и кончиками пальцев осторожно коснулся ресниц юноши. Тот во сне чуть повел головой, и Цзяи невольно улыбнулся.

Он медленно разглядывал фигуру Цзянь Хуая: лицо, изгиб шеи, едва видневшиеся ключицы. Рука последовала за взглядом — он едва касался кожи, воротника одежды, груди... Пока наконец не накрыл своей ладонью руку Цзянь Хуая.

Бережно разжав его тонкие пальцы, Цзяи заметил на одном из них след от клюва и капли засохшей крови.

Он замер, всматриваясь в ранку, а затем осторожно вернул руку юноши на покрывало.

Опираясь ладонью о пол, он поднялся. Его высокая фигура накрыла тенью клетку, в которой притаился попугай. Птица встряхнула крыльями, и маленькое перышко, застрявшее в прутьях, выпало наружу. Оно было невесомым и светлым; медленно кружась в воздухе, перо опустилось на пол у ног Цзяи.

<http://bllate.org/book/17462/1694517>